
В статье предпринята попытка раскрытия эффективности элементов антиномической диалектики в творчестве А.С. Макаренко к решению проблем любви в ювенальной среде.

• антиномия • антиномическая диалектика • любовь • честь • коллектив • личность

Опыт разрешения антиномий любви в ювенальной педагогике **А.С. Макаренко**

Н.К. Чапаев,

доктор педагогических наук, профессор кафедры методологии профессионально-педагогического образования ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург
chapaev-n-k@ya.ru

Согласно философам, антиномия есть «противоречие, образуемое двумя суждениями (умозаключениями, законами), каждое из которых признается истинным» [9, с. 30]. Памятуя о том, что противоречие является центральной категорией диалектики, можно допустить возможность включения антиномии в её понятийно – смысловое поле [1]. Это побуждает нас утверждать о возможности существования антиномической диалектики. Интенции антиномной диалектики находят выход в современной педагогике. В частности, сошлемся здесь на концепцию целостной школы немецких учёных, имеющую в качестве своего эвристического основания положение, в соответствии с которым Вселенная обладает парадоксальными антиномическими свойствами, предполагающими сосуществование противоположных и взаимоисключающих способов бытия — случайности и необходимости, порядка и хаоса, активности и покоя. Это позволяет более точно решать вопросы, например, взаимоотношения личности и коллектива; переосмыслить роль активности и покоя в учебном процессе. Так, в целостной школе предусматривается включить тихие занятия, молчание, физическое расслабление, смену умственного напряжения полным покоем [11, с.141 – 146].

Антиномно-диалектические идеи пронизывают всю ткань педагогической системы А.С. Макаренко. Важнейшая из этих идей выражена следующими противоречащими суждениями А.С. Макаренко: «Одни говорят: "Коллектив как реальность не существует. Реальна только личность». Другие говорят: «Индивид как что-то самостоятельное в социальной действительности не существ-

вует. Существует только общество» [6, с. 469]. Признавая наличие определённой коллизии между личностью и обществом, Макаренко отнюдь не стремится к построению «железного занавеса» между ними и тем самым способствовать усилению антагонизма между индивидуалистским и коллективистским подходами в воспитании, с таким тщанием культивируемого, кстати, у нас сегодня. Напротив, Макаренко стремится к конвергенции данных подходов как равнозначных и равноценных интерпретационных моделей человеческого существования. Решая данную проблему, А.С. Макаренко исходит, по меньшей мере, из двух общеметодологических установок — принципа «сходства в различии и различия в сходстве», согласно которому соотношения противоположностей выражаются не диалектическим взаимоотношением, а гармонией и сходством, и принципа нераздельного и неслиянного единства явлений действительности, в нашем случае, личности и коллектива. Так, исходя из широкого толкования индивидуального воспитания развития личных способностей и направленностей не только в области знания, но и в области характера, он мучается вопросом: «подлежит ли ломке и перестройке или подлежит усовершенствованию мягкий, податливый, пассивный характер, склонный к созерцанию, отражающий мир в форме внутренне неяркой и неагрессивной работы анализа». И далее: «Что же я, должен вгонять каждую индивидуальность в единую программу, в стандарт и этого стандарта добиваться? Тогда я должен пожертвовать индивидуальной прелестью, своеобразием, особой красотой личности, а если не пожертвовать, то какая же у меня будет программа!» [6, с. 118]. Ситуация не простая. Не одно тысячелетие люди ищут пути к примирению между «общим» и «особенным» в человеке, между уникальными индивидуальными данностями (устремлениями, интереса-

ми, запросами) человека и требованиями общества (коллектива), объективными факторами жизненного процесса. А.С. Макаренко строит свой ответ на заданный им же вопрос в русле антиномической диалектики. С его точки зрения нужна и общая, «стандартная» программа и «индивидуальный корректив» к ней, программа индивидуального развития для каждого. Такие человеческие качества, как мужество, честность, трудолюбие, коллективизм, гражданственность должны стать стандартами. А корректив необходим с ориентацией на задатки, способности, талант [6, с. 119]. Но тогда возникает нужда в соответствующем интегральном методе, «который, будучи общим и единым, в то же время даёт возможность каждой отдельной личности развивать свои особенности, сохранять свою индивидуальность» [6, с. 353]. Для диалектика Макаренко использование коллективистских или индивидуалистских методов зависит не от признания особой ценности того или иного из них, чего требует «разрывная», мантрово-дискурсная (абстрактно-ориентированная) методология, а от степени целесообразности их применения в данное время и данном месте (конкретно-ориентированная методология). Поэтому у Макаренко личность и общество, свобода и дисциплина, отнюдь не выступают антиподами, а выражают некое высшее единство. По этой же причине «коллективист» Макаренко способен высказаться в отношении коллективного воздействия, что *иногда оно будет хорошо, иногда плохо*. Так же обстоит дело с индивидуальным воздействием: *иногда оно будет полезно, а иногда вредно*. Вообще ходячая антитеза коллектива (общества) и личности — скорей всего наше доморощенное клише. Куда продуктивней подход хитроумных американцев, выраженный в известной антиномической формуле Дж. Дьюи: *можешь иметь своё мнение, но будет лучше, если оно совпадает*

с мнением большинства. Долгое время у нас усердно разрабатывался миф о нашей коллективистичности. Оказалось, не все так просто. Напротив, у наших граждан наблюдается как раз чрезмерно выраженная индивидуалистическая ориентация. Международные исследования ценностей свидетельствуют: Россия — одна из наиболее индивидуалистических стран.

Использование антиномного по своей природе принципа нераздельного и неслиянного единства личности и коллектива позволил А.С. Макаренко создать воспитательную систему по принципу параллельного действия: в педагогическом процессе изменения происходят в первую очередь за счёт роста значимости в нем самоуправленческих составляющих при минимизации дидактических, назидательных моментов. Педагог, выражаясь современным языком, начинает играть роль топ-менеджера, задающего общую стратегию развития вверенной ему системы при активнейшем участии в решении тактических задач всех членов коллективного сообщества. На зрелом этапе развития коллектива каждый его член предъявляет требования к самому себе. Управляя самим собой, он одновременно управляет и коллективом. По сути, была создана саморазвивающаяся воспитательная система, способная функционировать достаточно длительное время без непосредственного вмешательства педагогов. Поэтому, даже после ухода А.С. Макаренко из организованных им воспитательных коллективов его противникам потребовалось немало усилий и времени, чтобы разрушить в них данную, хорошо отлаженную систему.

Антиномичен подход **А.С. Макаренко к любви**. Категория любви занимает значительное место в его работах. Она включена в общий контекст жизнедеятельности человека: любовь к Родине, любовь к своей семье, любовь к ро-

дителям, своим друзьям и др. Особое внимание уделяет А.С. Макаренко любви между юношами и девушками. Отвечая на один из вопросов, заданных студентами педагогического вуза, он заметил, что решил написать книжку о любви, «потому что я поневоле сделался специалистом в этом вопросе» [6, с. 297]. Антиномический подход к любви в педагогике А.С. Макаренко обнаруживает себя в ряде противоречий. Рассмотрим некоторые из них.

1. Противоречие между биологическими и социально-культурными составляющими любви

Не умаляя роли естественного, биологического фактора в любви, он между тем замечает, что половой акт, осуществляемый между человеческими особями, не может быть отделен от культуры. «Половой акт не может быть уединен от всех достижений человеческой культуры, от условий социальной жизни человека, от гуманитарного пути истории, от побед эстетики» [6, с. 220]. Более того, рискуя впасть в излишнее социологизаторство, А.С. Макаренко наделяет правом любви только людей, наделенных чувством гражданской ответственности за судьбу общества. «Если мужчина или женщина не ощущают себя членом общества, если у них нет чувства ответственности за его жизнь, за его красоту и разум, как они могут полюбить? Откуда у них возьмутся уважение к себе, уверенность в какой-то своей ценности, превышающей ценность самца или самки?». Из чего следует вывод о том, что «половое воспитание — это прежде всего воспитание культуры социальной личности» [6, с. 220].

На первый взгляд последние рассуждения А.С. Макаренко отдают определённой механистичностью, ибо расходятся с часто встречающейся ныне трактовкой свободы личности как свободы её

от диктата общества. Но так ли правы мы в своём воинствующем эгоизме? Не уподобляемся ли мы в этом случае сумасшедшему пианино, возомнившему, что оно само играет. Не прав ли Л. Н. Толстой, записавший в своём Дневнике: «...эгоизм, т. е. жизнь для себя, для одной своей личности, есть сумасшествие...»? [10, с. 8]. Разумеется, любовь является, если так позволительно выразиться, «свободным» «волеизлиянием» личности. Но трудно представить личность без социальной начинки, без того необходимого набора ментальных качеств, определяющих его принадлежность к определённом социуму, группе, национальности, классу. Наконец личность невозможна без наличия определённых видовых качеств, позволяющих её относить к виду «Человек разумный». Конечно, в эпоху разработки идей трансгуманизма и постгуманизма появляется соблазн кардинально изменить матрицу человеческих показателей посредством их тотальной оптимизации в сторону их превращения в сверхчеловеческие возможности. Правда, горький исторический опыт учит, что теоретические суждения о сверхчеловеке на практическом уровне своим результатом имеют геноцид и признание «химерой» совести и образования. В нашем случае практика расчеловечивания ведёт к тому, что мы будем иметь дело с «любовью» самца (самки), о которой так резко высказался А.С. Макаренко.

2. Противоречие между признанием духовной сущности любви и признанием необходимости её организации и обучения ей

Любовь для А.С. Макаренко не просто социокультурный факт, она — вершина духовного развития человека. Она есть своего рода трансцендентальный феномен, идеал, выражающий основу чело-

веческого бытия и человеческой культуры. В высшем своём предназначении любовь для А.С. Макаренко — **вершина** духовного развития человека. Любовь как идеал помещен А.С. Макаренко в одном ряду с такими «трансценденталиями», как **добро, совершенство, царство Божие** (!) [6, с. 519]. Любовь настолько высокое понятие, что её не всегда можно выразить словами. Вчитаемся в следующие строчки из «Книги для родителей»: «Наконец она сказала тихо: — Я не знаю, как это сказать: люблю. Я не умею сказать... Это так сильно. Она смотрела на меня, и это был взгляд женщины, которая полюбила» [5, 219–220].

Однако подобная, почти мистическая трактовка любви, у А.С. Макаренко сочетается с пониманием любви как возможного объекта управляемого воздействия. Так, он с характерным для него технологическим энтузиазмом полушутя-полусерьёзно утверждает, что любовь — «обыкновенное **дело, которое нужно организовать**» [6, с. 298]. Необходимость организации «дела» любви обуславливается в первую очередь самим признанием возможности существования любви в детско-юношеском коллективе. Великий социальный педагог, прекрасно разбираясь в тонкостях человеческого характера, не мог, конечно, согласиться с точкой зрения, «что в школе человек до 18 лет любить не может, потому что он в школе...» [6, с. 300]. Любовь есть педагогический факт и, соответственно, она включается в общую систему воспитательных отношений, содержащих в себе, как известно, и организационные моменты.

«Дело» любви нужно организовать также и по той простой причине, что педагог ответственен за судьбу своих воспитанников. Тем более что А.С. Макаренко имел дело с девочками и мальчиками, уже много познавшими в своей жизни, в том числе в области половых отношений. Среди них были и бывшие насильники, и бывшие прости-

тутки. В докладе председателю государственного политического управления СССР (ГПУ СССР) он пишет о трудностях работы с бывшими проститутками, ставшими теперь коммунарами коммуны им. Ф. Дзержинского. Он прямо заявляет, что активизация таких девочек «очень затруднена их отсталостью и уже сложившимися привычками и наклонностями, ранним половым развитием и связанными с ними явлениями...» [4, с. 459].

Добавьте к этим девочкам бывших насильников и представьте, во что бы превратилась коммуна, если бы не была организована соответствующая работа с данным контингентом? Из неё могла бы получиться весьма неплохая «малина». При этом необходимо указать на немаловажный факт: в колониях для малолетних преступников запрещалось во времена А.С. Макаренко совместное воспитание девочек и мальчиков. Можно только представить, как он рисковал, беря на себя ответственность совместного воспитания. Главный довод в пользу совместного воспитания выражен в следующих его рассуждениях: «У нас, как в любой нормальной семье, живут вместе девочки и мальчики, и это не вызывает никаких осложнений. Всякое здоровое детское общество может прекрасно развиваться в этих условиях» [4, с. 100]. Приведённое свидетельствует о том, что с точки зрения А.С. Макаренко, воспитательное сообщество в предельной степени возможности должно интегрировать в себе реально-жизненные ситуации, инфраструктуру естественных форм человеческого бытия. Поэтому воспитательный коллектив — это семья, вследствие чего он должен быть наделен всеми её атрибутами, в том числе таким качеством, как разнополюсый состав.

В указанном выше письме имеется ответ и на вторую часть вопроса: можно ли организовать «дело» любви? «Нам удалось ликвидировать в самом начале

проявления половой распущенности, которые уже потому сильно угрожали нам, что в приеме 1931 года было несколько девочек проституированных». А.С. Макаренко указывает на средства подобного рода организации. В качестве одного из них он называет локализацию полового влечения «в границах определённых пар, связанных дружбой и намерением вместе пройти жизненный путь» [4, с. 459] Речь идёт не о резервациях для влюбленных, а о практической организации любовного процесса, который не должен быть ограничен пределами известных отношений, а должен иметь выход на семейную жизнь. При первой возможности коммуна помогала воспитанникам «устроить семейную жизнь, обеспечив их работой, квартирами и первоначальной помощью». И, что интересно, это открывало глаза влюбленным, ставило их перед выбором ответственного жизненного решения, связанного с женитьбой. «Появление на территории коммуны этих семейных образований охладило многих, так как доказало, что любовь связывается с реальной ответственностью» [4, с. 460].

С любви срывается ореол святости, таинственности, — вскричит кто-то. Нет, — отвечает А.С. Макаренко. Любовь священна и неприкосновенна. Она — интимная ценность души человеческой. Это очень хорошо понимал Макаренко. Несмотря на существование закона, запрещающего внутренние половые отношения, слова «они влюблены» были магическими и перед ними оказывались бессильными самые горячие «блюстители» этого закона, каковыми являлись, по признанию А.С. Макаренко, пацаны. Ему нередко приходилось докладывать на совете командиров к неудовольствию многих пацанов (иногда его даже лишали за это слова): «Действительно влюблены, ничего не подделаешь» [3, с. 103]. Вверенная А.С. Макаренко коммуна «... в разрешении половой проблемы не стала на путь

прямого подавления и осталась в границах свойственных коммуналке форм коллективного влияния» [4, с. 459].

Возвышая любовь до трансцендентальных высот, А.С. Макаренко одновременно говорит о необходимости обучения любви. Как рационалист и социальный технолог, он уверен в том, что «наше поведение должно быть поведением знающих людей, умеющих людей, техников жизни...». Не может быть этики без знания, без организации. Это полностью относится к любви: «мы должны уметь любить, знать, как нужно любить» [6, с. 453]. Надо «научить любить». Это значит, — пишет А.С. Макаренко, — научить узнавать любовь, научить быть счастливым, что в свою очередь означает, научить уважать самого себя, научить человеческому достоинству» [5, с. 220].

Научить любить по-макаренковски — это значит научить правильно выстраивать взаимоотношения между мужчинами и женщинами на основе принципов взаимоуважения. Совместное воспитание девочек и мальчиков, девушек и юношей способствовало формированию у воспитанников положительного опыта социального поведения в целом и развитию социальных навыков взаимоотношения с лицами противоположного пола, что в немалой степени служило целям воспитания семьянина. Тем самым осуществлялся целостный процесс становления человека как носителя позитивных общественно значимых ценностей.

3. Противоречие между отказом от «разбора узкофизиологических вопросов» любви и потребностью в половом просвещении

Половое воспитание — это, с точки зрения А.С. Макаренко, есть воспитание «большого и глубокого чувства, — чувства, украшенного единством жизни,

стремлений и надежд», которое должно проводиться «без слишком открытого и в сущности циничного разбора узкофизиологических вопросов» [5, с. 413]. Но, выступая против узкофизиологического подхода к половому воспитанию, А.С. Макаренко вместе с тем не приемлет фарисейства в этом вопросе. Он допускал возможность рассмотрения с детьми тем «о половой любви». Вот что по этому поводу пишет Макаренко: «Тов. А. Бойм заливается краской и стыдливо отворачивается: «Ромео и Джульетту» читать можно, а половая любовь... какой пассаж! Неужели т. А. Бойму... неизвестно, что «Ромео и Джульетта» рассказывает именно о половой любви, что этим двум героям платоническая любовь отнюдь не импонирует. Ведь я не призывал разрабатывать тему о половом соитии, а именно о любви» [8, с. 189].

Довольно любопытны, и в известном смысле спорны, суждения А.С. Макаренко о возможности выработки нормативных положений о любви, чести. Он с сожалением замечает, что «еще не уравновешены и не сделались нормативными многие положения о любви, дружбе, верности, чести...» [6, с. 421]. А.С. Макаренко допускал возможность разработки подобного рода нормативных положений. Но для начала, считал он, необходимо общественное признание этих категорий. Вспомним: речь идет, ведь, о тридцатых годах — чрезвычайно непростых и противоречивых. Любовь и честь, а также близкие к ним понятия далеко не всеми признавались достойными для применения в новом обществе. Давали о себе знать рецидивы постреволюционного неприятия всего старорежимного, в том числе прошлой культуры («сожжем Рафаэля, растопчем искусства цветы»). Серьезнейшим образом дискутировались вопросы типа: ревность — это пережиток капитализма или нет? Сама любовь также зачастую относилась к пережиткам прошлого.

Приходилось и А.С. Макаренко включать в дискуссии подобного рода. Но что интересно. Соглашаясь формально с некоторыми доводами борцов с «пережитками прошлого» (которые, кстати, у нас до сих пор не перевились: так, один высокопоставленный чиновник не так уж давно собирался бороться с **советским** бюрократизмом), А.С. Макаренко в соответствии с обычаями своего времени замечает, что «явления расслабленной этики «добра» противоречат нашему революционному делу, и с этим пережитком мы должны бороться». Однако, как бы спохватившись, он, не медля, отводит стрелки в сторону решения насущных проблем сегодняшнего, а не вчерашнего дня. «Но главная борьба, — замечает педагог, — должна идти по выработке норм нашего коммунистического поведения. Близость к практической жизни, к простому здравому смыслу составляет силу нашей коммунистической этики» [6, с. 450]. Да, со здравым смыслом у нас всегда были проблемы.

К пережиткам прошлого во времена А.С. Макаренко относили и понятие чести. Как же, **честь имею** — так выражались офицеры. А в 1937 — 38 гг. (!!!) А.С. Макаренко работает над повестью «Честь». За что ему немало перепало от критиков. Но педагог мужественно не только защищался, но и контратаковал. В своей статье с «говорящим» названием «Против шаблона» (1938г.) он подчёркивает: «... наша критика давно уже отбила у писателей охоту к смелости и к активному проникновению в жизнь. ... в роли критиков у нас выступают люди, ничем не вооруженные, кроме шаблонов...» [7, с. 416]. Шаблоны мешают показать многокрасочную картину жизни советского общества. «В нашем Союзе 170 миллионов **индивидуальностей**, совершенно отличных, неповторимых, каждая в своей мере исключительных» [7, с. 418]. В этой же статье А.С. Макаренко — решитель-

ный противник теории бесконфликтности, исходящей из метафизической трактовки единства советского народа. В понимании Макаренко, «напротив, характерной особенностью нашей жизни является её конфликтный характер». Сверх того: «Секрет и прелесть нашей жизни не в отсутствии конфликтов, а в нашей готовности и в умении их разрешать» [7, с. 420]. В соответствии с принятым критиками шаблоном, с горечью указывает А.С. Макаренко, «всякие там понятия о чести — это понятия офицерски-шляхетные» [7, с. 430]. С этим он не мог мириться так же, как не мог смириться с непризнанием любви. И точно также он подтверждает свою позицию делом. В первом случае он пишет книгу «Честь» (в 1937 году!), во втором случае он на практике в условиях специального воспитательного учреждения доказывает необходимость и возможность организации «дела» любви. Фактически А.С. Макаренко, образно выражаясь, плыл против течения, весьма бурного и опасного. Заметим вскользь: в отличие от сегодняшних его «оппонентов», плывущих строго в обратном направлении.

Вместо заключения. Воспитание, как говорили ещё древние, самое сложное дело. Были полководцы, не проигравшие ни одного сражения. Но не было педагога, который бы достигал стопроцентного результата. Не всегда ладно выходило и у А.С. Макаренко, в чем он откровенно признается. Случалось разное. Был даже мертвый ребёнок, убитый воспитанницей-матерью Раисой и запрятанный в корзинке для грязного белья. Ее осудили на восемь лет условно и предложили взять преступницу снова в колонию. А.С. Макаренко согласился с этим предложением. Но он не предусмотрел реакции других воспитанниц, от которых вскоре он услышал: «Вы Раису убирайте с колонии, а то мы её сами уберём». После чего А.С. Макаренко устраивает Раису на

фабрику. Встретившись однажды через несколько лет с ней, он услышал от нее, что «прошлое забыто». И ещё она сказала ему: «Спасибо вам, тогда не утопили меня. Я как пошла на фабрику, с тех пор старое выбросила» [2, с. 119 — 120]. А.С. Макаренко никого никогда не топил. Может быть потому, что его всегда пытались «утопить» при жизни. Бывает, «топят» его и сегодня. Но он снова и снова «всплывает» и продолжает своё вечное плавание по волнам строптивного и бескрайнего океана, название которому — педагогика.

Литература

1. *Гайденко П.П.* «Антиномическая диалектика П.А. Флоренского против закона тождества» [Электронный ресурс] // Критика немарксистских концепций диалектики XX века. Диалектика и проблема иррационального. — М.: Изд-во МГУ, 1988. Режим доступа: <https://anti-modern.wordpress.com/2012/09/13/antinomy/#more-11021> (дата обращения 24.05.2019).
2. *Макаренко А.С.* Соч. в семи тт. Т. 1. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. — 783 с.
3. *Макаренко А.С.* Соч. в семи тт. Т. 2. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. — 527 с.
4. *Макаренко А.С.* Соч. в семи тт. Т. 3. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. — 496 с.
5. *Макаренко А.С.* Соч. в семи тт. Т. 4. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. — 552 с.
6. *Макаренко А.С.* Соч. в семи тт. Т. 5. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. — 558 с.
7. *Макаренко А.С.* Соч. в семи тт. Т. 6. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. — 445 с.
8. *Макаренко А.С.* Соч. в семи тт. Т. 7. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. — 583 с.
9. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. — Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1999. — 896 с.
10. *Толстой Л.Н.* Собр. Соч. В 22-х т. Т. 22. Дневники. 1895—1900 / Сост. и коммент. А.И. Шифмана. — М.: Худож. лит. — 1985.
11. *Яркина Т.Ф.* Концепция целостной школы в современной педагогике // Педагогика. — 1972. — № 7—8. С. — 110—116.